

Травестийная поэма Багрицкого свидетельствует о том, что это пессимистическое заключение не вполне соответствует истине. "Пережиточная жанровая форма" в ней вдруг обнаружила поистине недожинную жизнеспособность, оказалась живой и полнокровной.

Эдуард БАГРИЦКИЙ

Не Васька Шибанов и не Ванька Молчанов

Лелевич от раповской злобы бежал.
С ним некий поэт безымянный.
Лелевич измучен, Лелевич устал, —
Как быть среди дороги туманной?
Но, старых напостовцев столп и оплот,
Лелевич поэту червонец дает:
— Скачи до московских ты хватов,
А я — направляюсь в Саратов.

И пишет Лелевич всю ночь напролет,
Стило его местию дышит.
Прочтет, матюкнет и опять матюкнет,
И снова без отдыха пишет.
И хохму за хохмой он сыплет не зря,
И вот уж, когда заалела заря,
Приспело для вражьего сердца
Послание, полное перца.

Но кто же, кто мужества явит пример?
Кто ринется в пламенный кратер?
Папаша Лелевича слеп, как Гомер,
Ведет его под руку мать.

Веселый есть дом на бульваре Тверском,
Ночами и днями гудит он,
Пивным перегаром, плохим табаком
И пылью полемик напитан.
За пушкинской задницей пышно цветет
Советская литература.
Вождем славословья там Жаров поет,
Гремит боевая халтура.
Там воеет труба, тарыхтит барабан,

Тачает стихи там Молчанов Иван,
Там Уткин — не Уткин, но Шелли,
Там корчит поэта Шенгели.

А над кабаком, уходящим в подвал,
Величественно из праха,
Одетая в нимб рабOLEПНЫХ похвал,
Кольшется плешь Авербаха.
Громами крутыми грохочет порог,
И молча лежат у божественных ног,
Пролезшие в двери без мыла
Киршон, Либединский, Ермилов.

И входит папаша с сыновним письмом,
И, остановясь на пороге,
С мамашей застыл в изумленья немом,
Усталый и томный с дороги.
И Фатова¹ в руку схватил Авербах,
Взмахнул им — и в ногу папашину — трах!
Профессорской славной башкою,
Проткнув, налегает рукою.

"Тебе, матюкаему древле от всех
И тонущу в сквернах обильных.
Скажи, лапетутник², каких ради грех
Побил ты ученых и сильных?
Не мы ли с Воронским в тяжелом бою
Преславную линию гнули свою?
Блистают средь грозных походов
Лелевич, и Вардин, и Родов!
Ответствуй же, Ляпа, не нами ль, босяк,
В баталии остервенелой
Разгромлен Волошин, затравлен Пильняк,
Булгаков, Ахматова, Белый?
И аз, бенамунес³, в ужасных боях
С Воронским чернила лиях и лиях,
С тобой пред Плехановым встаху", —
Лелевич писал Авербаху.

Папаша молчал. На ковер второпах
Кровь алым струилася током.
И молча посланцу в лицо Авербах

Глядел испытующим оком.
— Ах, жулик, ах, жлоб, ах, непойманный шкет,
Так вот он каков, боевой твой привет!
Со мной поступил ты по-свински!
Хватай же отца, Либединский!

Приходит, уходит ночная пора,
В харчевне смолкает голота.
Халтурные входят толпой мастера,
Опять зачалася работа.
И пыточный снова затеплен огонь,
И вот из-под спуда достали "Гармонь":
Ты, как ни хитри, все едино,
Ответишь, папаша, за сына!

— О ты, что меня к Авербаху послал
С письмом, преисполненным перца,
Любимый сынок, я смертельно устал,
Заходится старое сердце.
Я чувствую: близок смертельный мой час,
Язык онемел мой и взор мой погас,
В ритмическом громе ударов
Порхает, как фейгеле⁴, Жаров.

Приходит, уходит ночная пора,
В харчевне стихает голота.
Халтурные входят опять мастера,
Опять зачалася работа.
И пыточный снова затеплен огонь,
Опять из-под спуда явилась "Гармонь".
Страдания выпита чаша.

Так умер Лелевич-папаша.

¹Николай Николаевич Фатов (1887-1961) — литературовед, автор монографий о Серафимовиче и Демьяне Бедном. В рапповские времена — профессор Московского университета.

²Лапетутник — бездельник, шалопай (идиш).

³Бенамунес — честно, честное слово (идиш).

⁴Фейгеле — птичка (идиш).